

2020

"Russian Overseas Flagship" и языковая ситуация в Казахстане

ЭЛЕОНОРА Д. СУЛЕЙМЕНОВА

Follow this and additional works at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj>

Part of the [Slavic Languages and Societies Commons](#)

Recommended Citation

СУЛЕЙМЕНОВА, ЭЛЕОНОРА Д. (2020) ""Russian Overseas Flagship" и языковая ситуация в Казахстане," *Russian Language Journal*: Vol. 70: Iss. 1, Article 3.

Available at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj/vol70/iss1/3>

This Article is brought to you for free and open access by the Journals at BYU ScholarsArchive. It has been accepted for inclusion in Russian Language Journal by an authorized editor of BYU ScholarsArchive. For more information, please contact ellen_amatangelo@byu.edu.

**"Russian Overseas Flagship"
и языковая ситуация в Казахстане**

ЭЛЕОНОРА Д. СУЛЕЙМЕНОВА

Мы учимся в Казахстане не только русскому языку.

Мы учимся быть билингвами!

А. Г. – студент программы «Флагман»

(2018-2019)

Abstract

The image of Kazakhstan as a multilingual country is associated with the metonymic identification of its constituent ethnic groups and 117 local languages. The dynamics of the linguistic situation (1970-2019) indicate a strong tendency towards linguistic homogeneity. Ethnic groups at demographic risk, divorced from their historic homelands, are immersed in a rapid shift towards the Russian language. The demonstrated vitality of the languages of individual ethnic groups is related to the specifics of their respective proficiencies in Kazakh and Russian. Evidence of the emergence of a regional variant of the Russian language is cited and carefully reviewed, but found to be insufficient at the present time to recognize the presence of a codified 'Kazakh' variant of Russian. Instead, Russian is shown to exhibit normativity, codification, multifunctionality and rich stylistic differentiation in the media, business, scientific, political, cultural and educational spheres of Kazakhstan.

There is continuing high demand for Russian within Kazakh society both in the non-regulated spheres of public communication as well as in official spheres, where the use of Russian increases with the complexity of the domains under discussion. The article "The Russian Flagship in Kazakhstan: Transformative Learning in a Russian-speaking Environment" demonstrates that within this context Kazakh-Russian bilingualism is well-supported, and provides a favorable, acquisition-rich environment for the study of Russian within a multi-ethnic state.

Keywords: pyramid of the languages of Kazakhstan, language shift, regional language variants, transformative learning

1. Введение

Пять лет назад Казахский национальный университет имени аль-Фараби гостеприимно распахнул двери программе «Language Flagship / Флагман», и опыт санкт-петербургских коллег был успешно интегрирован в условия Казахстана. Нам удалось сохранить и расширить главную особенность программы «Флагман» – интенсивное и основательное погружение студентов в среду русского языка и культуры.

С развернутым анализом состояния и достижений программы «Флагман» в Казахстане на XIV конгрессе МАПРЯЛ «Русское слово в многоязычном мире», состоявшемся в Нур-Султане в апреле-мае 2019 года, выступил профессор Д. Дэвидсон. «Принимая во внимание результаты предыдущих исследований, а также содержательное богатство, глубину и разнообразие самой программы, – суммировал он, – можно сказать, что результаты эффективности принципов трансформативного обучения внушают надежду. Анализ тестовых результатов показывает положительную корреляцию между уровнем языковой компетенции и темпом развития межкультурного понимания. <...> Трансформативное обучение способствует развитию билингвальной и бикультурной личности, готовой играть роль межкультурного посредника и легко вступать в диалог культур. <...> Это является условием развития критического мышления учащегося в сфере межкультурного понимания, а также условием накопления знаний, умений и установок, необходимых для узнавания и адекватной реакции на культурно обусловленные различия в речи, поведении и в культурных нормах». (Дэвидсон 2019).

Преподаватели вложили немало сил и методического таланта в развитие программы «Флагман»: апробированы новые курсы, усилена индивидуализация обучения, совершенствуются регулярные занятия «лицом к лицу» студента с преподавателем, тщательно выверяется персональная траектория совершенствования профессионального языка (выбор студентом спецкурса по интересам на любом из факультетов университета, а также места прохождения практики), расширяются живые контакты с «тьюторами-говорунами», активнее стало участие в мероприятиях университета и совместных с казахстанскими студентами экскурсиях по Казахстану. Для полного погружения в стихию языка и культуры студенты живут в русскоязычных

семьях. Это позволяет наращивать и эффективно использовать навыки непринужденной спонтанной речи в реальных ситуациях, добываясь полного понимания и адекватного восприятия культурного фона и реалий.

Концепция «зоны ближайшего развития» Л. С. Выготского, согласно которой следует предупредительно и чутко относиться к трудностям «лингвистического и культурного порядка (дилемма „дезориентации“»». (Дэвидсон 2019), особенно актуальна для полиэтнического и многоязычного Казахстана.

Естественно, что потенциал «зоны ближайшего развития» реализуется, если она превращается в значимую и организованную среду, активно стимулирующую речевую деятельность. Такими же естественными были опасения, связанные с безошибочностью выбора Казахстана как страны, в которой программа «Флагман» сможет достойно и с успехом исполняться, обеспечив оптимальные условия для трансформативного обучения.

Казахстан официально позиционирует себя как «демократическая, светская, унитарная, конституционная республика с разнообразным культурным наследием» (Конституция 95), и защита языков по-прежнему остается главным условием сохранения и существования культур. В это же время государственный казахский язык становится главным языком политического самоутверждения страны как национального государства.

Все вместе поставило перед организаторами программы «Флагман» ответственные и важные вопросы. Во-первых, *как* в стране с нестандартной, динамично меняющейся языковой ситуацией безболезненно и удачно осуществить трансформативное обучение русскому языку и культуре, ведь непосредственный контакт с такой ситуацией может привести «в замешательство, поставить в тупик»? (Дэвидсон 2019). Во-вторых, *каково* реальное «самочувствие» русского языка в Казахстане и насколько сохраняется в нем унаследованная от Союза русская языковая среда, в которую «погружаются» студенты?

В качестве ответа на вопросы об организации трансформативного обучения предлагается развернутая панорама языковой ситуации с точки зрения этнодемографических рисков витальности языков, характера и видов двуязычия, специфики владения русским

языком разными этносами, функционирования русского языка в регулируемых и нерегулируемых сферах общения, очевидности vs сомнительности диверсификации русского языка.

2. Можно ли считать Казахстан многоязычной страной и каков в ней статус русского языка?

Многоязычной принято считать страну, в которой более одного языка имеют определенный конституционный статус официального, государственного, регионального, местного, языка межнационального общения и пр., этим языкам законодательно приписаны определенные функции, в стране существуют государственные органы поддержки и поощрения языков.

С точки зрения таких критериев Казахстан действительно является многоязычной страной: «В Республике Казахстан государственным является казахский язык. В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык. Государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народа Казахстана» (Конституция 1995: Статья 7). Все языки поддерживаются также деятельностью Ассамблеи народа Казахстана и находящимися под ее эгидой этнопросветительскими школами и этнокультурными объединениями.

3. Сколько этносов и этнических языков в Казахстане?

Данные о количестве этносов и их языков в Казахстане противоречивы, и так же неточны сведения об особенностях их функционирования.

«Ethnologue: Language of Kazakhstan» и «Ethnologue: Language Cloud» называют 44 языка. 14 из них отнесены к живым [*дунганский, немецкий, илийский тюрки (таранчи), ингушский, казахский, платдойч, романский синти, русский, таджикский, татарский, турецкий, украинский, новобуйгурский, узбекский*], 30 – к иммигрантским языкам [*азербайджанский, армянский, аварский, башкирский, белорусский, греческий, даргинский, марийский, гагаузский, грузинский, греческий, каракалпакский, карачаево-балкарский, корейский, кумыкский, кыргызский, лакский, лезгинский, литовский, курдский, ногайский, осетинский, польский, румынский, табасаранский, туркменский,*

удмуртский, чеченский, чувашский, эрзя] (Lewis, Simons, and Fennig 2014). Ethnologue оставляет открытыми вопросы об общем подходе к подсчету языков и распределению их на группы (например, не учтены болгарский, крымскотатарский и другие языки с бóльшим числом носителей).

Единственным источником обо *всех* этносах Казахстана, владении ими этническим, государственным, русским и английским языками продолжают оставаться только данные переписей, несмотря на все их недостатки, а также на политические, организационные и иные влияния на процесс их проведения и результаты. Опираясь на данные этнической и языковой самооценки в переписях, принято приравнивать число этносов и референтных им языков.¹ В основе такого приема лежит сильное допущение, что прямое соотнесение этнической и языковой идентификации в значительной мере сомнительно и метонимично.²

Тем не менее используя этот общепринятый прием и считая данные переписей в приемлемой степени достоверными, обнаруживаем, что в 1999 году в Казахстане насчитывалось 136 этносов и их 126 потенциально возможных этнических языков (Итоги 2000), в 2009 году – 127 этносов и 117 референтных им языков³ (Итоги 2010; Итоги 2011: 22-23).

4. Почему в Казахстане много языков и как в стране создавалась русскоязычная среда?

Устойчивый образ Казахстана как многоязычной страны формировался в советское время. Тогда распространялось представление

¹ Можно сослаться на философский контекст давнего спора примордиалистов и конструктивистов о связи языка и этничности. Первые убеждены в неоспоримой связи между ними и ссылаются на одновременное исчезновение римлян, шумеров и их языков. Конструктивисты же считают, что утрата этносом языка не ведет к его обязательному исчезновению. «Любопытно, что современный мир унаследовал обе указанные традиции <...> Конструктивистские представления распространены, в основном, в университетской среде, преимущественно на Западе, а примордиалистские – среди неблагополучных общин» (Фишман 2005: 123).

² Это подтверждается и тем, статистика переписей «склонна показывать замедленный темп» утраты родного языка (Беликов, Крысин 2001: 145).

³ В период между двумя переписями (1999-2009) представители девяти малых этносов (ительмены, кеты, ороки, тофалары, энцы, рушанцы, саамы, шугнанцы, юкагиры), переселенные из Таджикистана и Дальнего Востока России, перестали регистрироваться, хотя их история с числом представителей менее 30 человек была последовательно представлена в переписях населения Казахстана (1970-1999).

о ней как «планете 100 народов», «лаборатории дружбы народов» (реже «melting pot»), идеальной площадке взаимодействия языков. Откуда же в бескрайних казахстанских степях, полупустынях и пустынях все они появились?

Назову несколько судьбоносных фактов, повлиявших на кардинальные изменения этнического и языкового облика страны, не всегда эксплицируемой целью и окончательным результатом которых стала тотальная русификация Казахстана.

«Ссылные, столыпинские крестьяне-переселенцы, депортированные 'народы-предатели' и 'неблагонадежные народы', заключенные исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа, беженцы, эшелоны эвакуированных, военнопленные-японцы и военнопленные-немцы, миллионы целинников-добровольцев и участников всесоюзных ударных строек... принудительно или добровольно оказывались и оседали в Казахстане. Людские потоки нескончаемо текли в страну, изнемогающую от жесточайшего голодного мора, который длился десятилетия (1920-е, 1930-е и даже 1940-е годы) и унес миллионы жизней казахов» (Сулейменова, Шаймерденова, Аканова 2008: 11-33; Сулейменова 2009: 21-36).

Ссылка в дореволюционной России, а затем и в советской стране означала принудительное изгнание «ссылнопоселенца» подальше от центра. Такой дальней периферией и излюбленным местом ссылок в царской России был Казахстан. Достаточно вспомнить высылку декабристов на Оренбургскую линию, польских политических ссыльных, петрашевцев, солдатскую лямку Т. Г. Шевченко (Оренбург-Орск-Мангышлак-Новопетровское-Арал-Актау, 1847-1857), каторгу в Омском остроге и службу рядовым в Семипалатинске Ф. М. Достоевского (Омск-Семипалатинск, 1854-1857).

Веще больших масштабах эта традиция «достойно» была продолжена в советское время, когда ссыльный Л. Троцкий жил в Алматы, когда жестокой депортации были подвергнуты дальневосточные корейцы, поволжские немцы, финны-ингерманландцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы. Переселяли поляков, иранцев, курдов, кавказские народы, малые народы Крайнего Севера и Дальнего Востока... сюда же отправляли членов подпольных организаций из Прибалтики и Западной

Украины, а также группы деклассированных «элементов»... Только за тридцать лет (1920-1952) было проведено 52 депортационные кампании, а за четыре года Великой Отечественной войны в Казахстан был переселен 61 народ. Сюда же следует добавить «врагов народа», жен и детей «врагов народа» – заключенных казахстанских КАРЛАГа, АЛЖИРа, ДОЛИНКИ, СТЕПЛАГа. Миграционные процессы продолжались и с освоением в 1954-1962 годы целинных и залежных земель, значительно изменивших Великую степь – сюда въехало более миллиона добровольцев-славян из России, Украины и Белорусии.

Массовые миграционные и депортационные процессы разительно изменили этнический и языковой портрет страны, который стал причудливо-экстравагантным (в стране стали жить экзотические и малочисленные даже в стране исхода *алеуты, венсы, долганы, ительмены, кеты, нганасаны, нивхи, рутульцы, удэгейцы, эвены, эвенки, рушанцы, ульта, ороки, саамы, тофалары*) и в которой казахи надолго стали этническим меньшинством. Но объединяло всех одно – владение русским языком стало суровой необходимостью и неперемным условием выживания.

В первые годы независимости миграционные потоки унесли из Казахстана более двух миллионов человек. В последние десятилетия страна из миграционного донора опять превратилась в реципиента и приняла более миллиона казахов-репатриантов и множество трудовых мигрантов из соседних государств.

Общие миграционные процессы сегодня остаются этнически выраженными: иммиграцию определяют казахи-репатрианты, эмиграцию – русские.

5. Динамика численности этносов и референтных им языков

Соотношение между этносами, как видно на рисунке 1, с каждым годом существенно меняется, и носителей русского и других этнических языков как родных становится ощутимо меньше. Вся страна оказывается все более этнически однородной.

Группа «Другие» – потенциальные и/или реальные носители 115 этнических языков в 2009 г. составляла 13.2%, в 2015 г. – 12.9%, в 2019 г. – только 9.81% населения страны (Итоги 2010; Комитет по статистике 2015, 2018; Население 2019). Иначе говоря, 9.81% населения Казахстана сегодня – это формально референтные носители

115 языков, остальные жители страны – это казахи и русские, носители казахского и русского языков как родных.

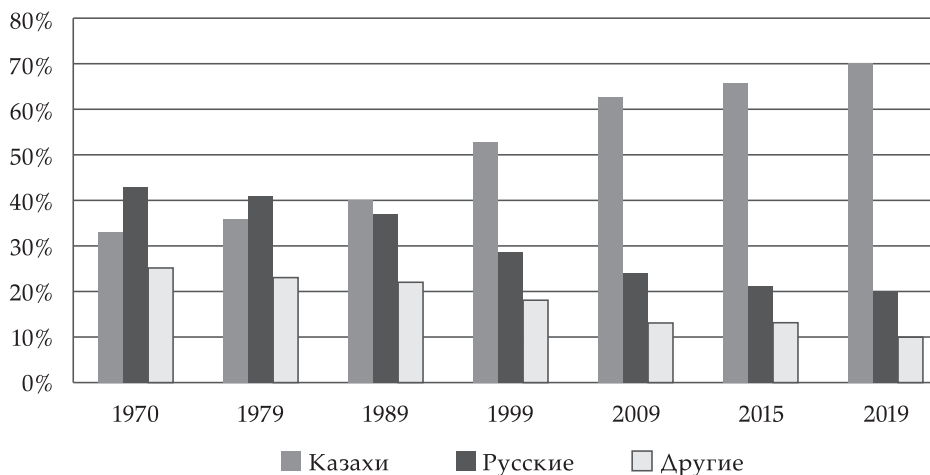

Рисунок 1. Динамика соотношения этносов Республики Казахстан: 1970-2019⁴

Именно 115 языков со статистически незначительным числом потенциальных носителей, аккуратно отмечающих в переписях собственную этническую и языковую идентичность, но составляющих всего 9.81% населения страны, создают имидж Казахстана как многоязычной, а не двуязычной (казахский + русский языки) страны.

6. Пирамидальная иерархия языков Казахстана и место в ней русского языка

Анализируя языковую политику с точки зрения ассимиляции языков при двуязычной практике, В. М. Алпатов построил перевернутую пирамиду иерархии языков, которая «обычно состоит из трех уровней. Верхний слой составляют одноязычные носители государственного языка – так называемые русскоязычные в СССР и в современной России, носители английского языка в США и др. (мы отвлекаемся от возможного знания иностранных языков). Средний слой составляют двуязычные граждане. Внизу находятся одноязычные носители языков меньшинств (или же двуязычные,

⁴ Рассчитано по (Алексеев А., Аубакирова Ж., Сарсембаева Г. (2011); Итоги 1973; Итоги 1992; Итоги 2000; Итоги 2010; Итоги 2011; Численность 2015; Население 2019).

но не владеющие государственным языком). В некоторых странах (Индия, ряд стран Африки) верхний слой отсутствует, и наверху оказываются двуязычные» (Алпатов 2013: 16).

Применительно к языкам Казахстана перевернутая пирамида дает возможность увидеть их в непривычной перспективе и позволяет точнее оценить участие в ней русского языка. Расположим языки в пирамидальной иерархии, выстраивая ее с нижнего слоя вверх по мере сокращения демографических рисков витальности языков и по возможности уточняя присутствие в каждом слое казахского и русского языков и исключая (по примеру В. М. Алпатова) знание иностранных языков.

Первый нижний слой пирамиды составляют почти 100 языков высокого демографического риска витальности, находящиеся под угрозой исчезновения в Казахстане, а иногда и в исконной «материнской» территории переселения. Формально референтные носители языков нижнего слоя пирамиды из года в год стремительно сокращаются и насчитывают от одного – редко до трехсот человек, составляя в процентном отношении к населению страны критические исчезающе малые величины (0.0%). К данной группе относятся *абазинский**, *абхазский**, *аварский*, *адыгейский*, *алеутский*, *алтайский*, *ассирийский**, *белуджи*, *бурятский*, *вепсский**, *гагаузский**, *долганский**, *ижорский**, *ительменский**, *караимский*, *каракалпакский*, *карельский*, *кетский**, *коми-пермяцкий*, *корякский**, *крымскотатарский*, *кумыкский*, *лакский*, *лезгинский*, *ливский**, *манси**, *марийский*, *нанайский**, *нганасанский**, *ненецкий**, *негидальский**, *нивхский**, *ногайский*, *орокский**, *орочский**, *осетинский*, *рутульский**, *саха (якутский)*, *селькупский**, *сербский*, *табасаранский**, *талышский*, *татский**, *тофаларский**, *тувинский*, *удинский**, *удмуртский*, *удэгейский**, *финский (ингерманландский)*, *хорватский*, *хакасский*, *хантыйский (остяцкий)**, *цахурский*, *чешский*, *чуванский**, *чувашский*, *чукотский**, *шорский**, *эвенкийский**, *эвенский**, *энецкий**, *эскимосский**, *эстонский* и другие языки (Итоги 2010). Большая часть языков этого слоя пирамиды, помеченные *, относятся к малым исчезающим языкам коренных малочисленных народов России, Таджикистана и других стран (Moseley, 2010; Единый 2010), откуда их носителей переселили в Казахстан.

Демографические риски и риски сохранения этнических языков в данной группе чрезвычайно высоки, их ожидаемую

вероятность рассчитать невозможно.⁵ Этноты насильно «оторваны» от исконной территории, живут рассеяно, находятся в условиях интенсивных языковых контактов с доминирующим языком, осознают функциональную непрестижность собственного языка, утратили традиционные формы хозяйствования, не имеют возможности обучать детей на родном языке в государственных детских садах и школе, безвозвратно потеряли полноценную передачу языка младшим поколениям, сферы использования родных языков в лучшем случае сужены до пределов семьи и тематически ограничены ритуальной фатической коммуникацией, обеспечивающей социальные «узы общности» (Malinowski 1972: 146; Дориан 2012: 382-401).

Критическая численность носителей этих языков, мощное повседневное давление со стороны доминирующих в политическом, экономическом, культурном, образовательном и иных отношениях языков и другие названные факторы уже во втором поколении обусловили языковой сдвиг (*language shift*)⁶ в сторону русского, реже казахского языка. «Языковая ассимиляция» и процесс русификации завершились для них большей частью еще в советский период (Сулейменова 2011: 50-80; Ahn E., J. Smagulova 2016).

Во втором нижнем слое пирамиды расположились *армянский, молдавский, башкирский, польский, белорусский, корейский, немецкий, татарский, украинский* языки с невысокими показателями витальности, резко или постепенно уменьшающимся (редко увеличивающимся) числом возможных носителей. Многие из языков данной группы «теряют» носителей за счет снижения естественного воспроизводства и старения (белорусы, украинцы, поляки и др.), миграции на историческую родину (немцы, поляки, татары, армяне и др.). За 50 лет снизилась численность немцев (1970: 858077 → 2009: 178409), украинцев (1970: 933461 → 2009: 333031), белорусов (1970: 198275 → 2009: 66476), поляков (1970: 61445 → 2009: 34057) (Итоги 1973; Итоги 2010).

⁵ Учитывая существование этих рисков, в Казахстане осуществляется целенаправленная поддержка языков и культур этносов данной группы. Как объект неотложной государственной, научной и общественной деятельности она наиболее заметна в Ассамблее народа Казахстана.

⁶ Свидетельством языкового сдвига служило несоответствие между этнической и языковой идентификацией, зафиксированное в переписях.

Языковой сдвиг⁷, начавшись еще в советский период, осуществился в сторону русского языка 98.4% татар, 98.0% корейцев, 99.0% немцев, 98.9% украинцев, 98.0% поляков, 98.9% белорусов и т. д. (Национальный 2010). Формировавшееся или бытовавшее поначалу двуязычие сменилось у большинства этой группы доминированием русского языка, затем завершилось сменой этнического языка на русский. Только небольшая часть казахстанских немцев, армян, татар смогла сберечь родные языки и не перейти полностью на доминирующий русский язык. Этнический язык как «домашний» используется преимущественно в устной форме для общения со старшими в семье и характеризуется набором стандартных выражений в определенных контекстах.

Третий средний слой пирамидальной иерархии – это языки ирредент и мест компактного проживания этнических общин, стабильно сохраняющих или увеличивающих численность. Это языки с высокой витальностью в Казахстане: *кыргызский, таджикский, курдский, дунганский, азербайджанский, турецкий, уйгурский, узбекский, чеченский, ингушский*. Многие в сохранении языков данного слоя определяется коллективным выбором этноса, его этнической солидарностью, сохранением установившегося уклада жизни, традиций и пр. при демографической стабильности, компактности и плотности проживания этноса.

Положительная динамика численности этносов среднего слоя пирамиды и совместности культуры этнических общин может быть рассмотрена на примере узбеков (1970: 216340 → 2009: 456997), уйгур (1970: 120881 → 2009: 224713), кыргызов (1970: 9612 → 2009: 23274), таджиков (1970: 15981 → 2009: 36277), курдов (1970: 12313 → 2009: 38325), дунган (1970: 17284 → 2009: 51944), азербайджанцев (1970: 57699 → 2009: 85292),

⁷ Особенно быстро языковой сдвиг проходил после знаменитого постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» (1938). Были приняты постановления «об изучении корейского языка и литературы в некоторых школах с составом учащихся корейской национальности» (1953), «о введении преподавания родного языка для детей немецкой национальности в школах КазССР» (1957) в местах наибольшей концентрации корейцев, немцев и других. Число учащихся в учебных группах должно было быть не менее десяти, два часа в неделю сверх учебного плана отводилось на изучение родных языков, расходы возмещались за счет местного бюджета. В то же время сами школы закрывались, поскольку в селах «отсутствовала необходимая концентрация польского, корейского, немецкого населения» (Турлыбекова 2016).

турков (1970: 18456 → 2009: 97015) (Итоги 1973; Итоги 2010). От политических событий в стране исхода (Восстановление Чечено-Ингушской АССР, 1957; Первая и Вторая чеченская война, Осетино-ингушский конфликт и др.) напрямую зависела численность чеченцев (1970: 34540 - 2009: 31431) и ингушей (1970: 18446 - 2009: 15120) (Итоги 1973; Итоги 2010).

Языки среднего слоя пирамиды поддерживаются существующей системой образования: детские сады, начальные и средние школы (таджики, узбеки, уйгуры, дунгане), университеты (турки, уйгуры), воскресные этнокультурные объединения и этнопросветительские школы (дунгане, курды, кыргызы, азербайджанцы, чеченцы, ингуши и др.). Для данного слоя пирамиды свойственна хорошая степень владения государственным казахским и этническим языком и сравнительно низкие показатели языкового сдвига в сторону русского языка: на одном полюсе расположились 26.6% кыргызов, на другом – 3.7% дунган (Национальный 2010).

Четвертый слой пирамидальной иерархии представлен родным языком этнических русских – второго по численности этноса в Казахстане. За 50 лет и особенно в связи с массовым оттоком из страны русских, поощряемого из-за острых демографических проблем самой Россией, присутствие русского этноса в населении страны сократилось почти вдвое – 1970: 5521.9 (42.4%) - 2019: 3553.2 (23.7%) (Итоги 1973; Население 2019).

Русские по-прежнему обладают высокой степенью собственной языковой компетенции – 97.4%, которая, впрочем, снизилась на 2.6% за время между переписями (Национальный 2000; Национальный 2010). 98.8% назвали родным русский язык (Итоги 2011: 23). Сегодня русские демонстрируют возросшее владение казахским языком, но лишь 0.2% русских стала русско-казахскими билингвами (Национальный 2010).

Проблема витальности русского языка приобрела по сравнению с советским периодом иное звучание. Для понимания истинного положения русского языка в Казахстане следует учитывать три важных момента. Во-первых, русский язык лишился в Казахстане своих преимущественных статусных прав и быстро утрачивает демографические позиции. Во-вторых, не стоит связывать русский язык только с этническими русскими. Независимо

от этнической принадлежности 94.4% казахстанцев понимают устную русскую речь, 88.2% свободно читают и 84.8% свободно пишут (Национальный 2010). В «Государственной программе по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020-2025 годы» указывается, что «доля населения, владеющего русским языком, составила 92.3%» (Государственная 2019). В-третьих, русский язык накопил значительную коммуникативную мощь, инерцию и практику использования во власти, технике, бизнесе, медицине, здравоохранении, науке, образовании, информационных и коммуникационных технологиях и проч., прекрасно приспособившись к вызовам глобализации и информатизации (Сулейменова 2011: 62).

Пятый верхний слой пирамидальной иерархии занимает государственный казахский язык. Если в пирамиде В. М. Алпатова «верхний слой составляют одноязычные носители государственного языка» или «верхний слой одноязычных отсутствует, и наверху оказываются двуязычные» (Алпатов 2013: 16), то содержание верхнего слоя пирамиды языков Казахстана выглядит сложнее.

Казахи – неоднородный в языковом отношении этнос: а) 98.3% казахов понимают устную казахскую речь, 95.4% свободно читают и 93.2% свободно пишут на казахском языке; б) 92.0% казахов понимают устную русскую речь, 83.5% свободно читают и 70.1% свободно пишут на русском языке (Национальный 2010). Казахи продолжают удивлять совершенным знанием русского языка. Феномен «русскоязычия» казахов, возможно, будет измеряться поколениями и достигнет еще правнуков и праправнуков.

Оказавшись в центре активных процессов создания советского народа с единым языком и культурой, казахи оказались подвержены перебоям этнической и языковой идентификации и пережили мощное действие языковой ассимиляции. Эти процессы происходили на фоне недолгой политики коренизации (которая, вопреки ожиданиям проводивших политику из центра, не сказалась на распространении казахского языка как инструмента интеграции в сфере государственного управления и услуг, образования, СМИ и др.) и политики русификации (которой может быть дана оценка как высокоэффективной политики по распространению русского языка в советском Казахстане).

Языковой сдвиг казахов в сторону русского языка, явившийся результатом политики русификации и действенности идеологии и практики государственного моноязычия (О'Бикен 2005; Сулейменова 2011; Келльнер-Хейнкеле, Ландау 2015), создавался в советское время единой и централизованной образовательной инфраструктурой,⁸ ростом инструментальной, интегративной и результативной мотивации изучения русского языка (открывающего реальные образовательные, социальные и экономические возможности), кризисом в какой-то период этнической и языковой идентичности казахов и проч. Немаловажным был демографический фактор: «...В городской среде казахи были в меньшинстве, и представители других групп (особенно славянских) превосходили их здесь по численности в пропорции, доходящей почти до 3:1. <...> Советская система непосредственными и косвенными способами предлагала большие привилегии социальной мобильности людям с «родной» степенью владения русским языком и обделяла тех, кто оставался слишком тесно привержен нерусской культуре и языку» (Фиерман 2005: 52-53).

Сегодня казахи – социально наиболее активная и подвижная часть населения, на которую нацелена государственная языковая политика. Они больше других вовлечены в процессы урбанизации, внутренней миграции, переноса столицы, изменения административно-территориального деления северных областей. Это особенно заметно в расширении зон казахского присутствия в городах, которое влечет рост казахской и заметное снижение русской языковой компетенции.⁹

⁸ Достаточно перечислить документы, которые оказали в 1940-1950-е годы сильнейшее влияние на образование на казахском языке: Постановление «Об отмене льгот за владение казахским языком» (1941), Инструкция «Об освобождении русских школ от изучения казахского языка» (1955), Постановление «О закрытии казахских школ» (1955) и др.

⁹ Произошли заметные в тюркском субстрате страны. С одной стороны, численность многих тюркских этносов (алтайцев, балкарцев, башкир, гагаузов, долган, карачаевцев, кумыков, крымских татар, крымчаков, саха, татар, тувинцев, туркмен, хакасов, чувашей, шорцев и др.) резко сократилась; с другой стороны, отчетливо определилась группа тюркских этносов, последовательно наращивающая численность (казахи, каракалпаки, кыргызы, турки, узбеки, уйгуры), и их общая доля в населении страны ощутимо увеличилась. За короткое время Казахстан стал страной с бурно растущим тюркским и значительно уменьшающимся славянским населением, преобладающим казахским и сокращающимся русским населением.

В настоящее время можно говорить о совершающемся повороте языкового сдвига (*reversing language shift*). Он меньше коснулся старшего и среднего поколения, чьи языковые предпочтения и речевые навыки сформировались в период всеобщей русификации. Молодые испытывают усиление мотивации к изучению казахского языка, необходимость квалификационно-аттестационных мероприятий, мобилизацию национального сознания и самосознания, сильное стремление преодолеть смену языка и др. В стране стал заметным общий рост казахской языковой компетенции у городской молодежи (Фиерман 2005; Smagulova 2008; Сулейменова 2011; Suleimenova 2015; Сулейменова, Акберди, Койшыбаева 2016;).

Следующим этапом при повороте языкового сдвига должно стать повсеместное изменение языкового поведения для того, чтобы этот поворот стал общенациональной реальностью. Здесь же наблюдается некоторое замедление, и языковое поведение, особенно во власти и деловом дискурсе, а также нерегулируемых сферах общения меняется неторопливо и остается приверженным русскому языку.

7. Полихромная пирамидальная иерархия языков и интенсивность цвета русского языка

Пирамида языков Казахстана предоставила удобные ориентиры для общей панорамы этнических языков и возможность конкретизировать положение русского языка. Во-первых, в пирамидальной иерархии языков Казахстана выделяется пять слоев (а не три, как в пирамиде В. М. Алпатова); во-вторых, признаки каждого слоя отличаются от «алпатовских»; в-третьих, в каждом слое можно найти казахский и русский языки.

Пирамида языков, естественно, представляет собой в высокой степени идеализированное упрощение место языков в контактной ситуации. Невозможно учесть реальность владения языками, типы двуязычия, преобладание двуязычия над диглоссией, присутствие диалектов и др. Тем не менее для наглядности сделаю пирамиду языков полихромной и припишу русскому языку один цвет. Интенсивность цвета русского языка будет самой сильной в четвертом слое, создаваемом этническими русскими, сохраняющими высокую русскую языковую компетенцию.

К нему будет приближаться насыщенность цвета русского языка в двух нижних слоях пирамиды. Критически малочисленные носители языков, занимающие оба нижних слоя, еще в советское время, утратив в силу объективных обстоятельств полноценные внутриэтнические языковые и культурные контакты, оставаясь оторванными и изолированными от исконной территории, пережили стадию возрастного разрыва компетенции в этническом языке и далее молниеносный (два поколения) языковой сдвиг и переход на доминирующий русский (реже на казахский) язык.

Слабее интенсивность цвета русского языка оказывается в среднем слое, занятом этносами, только часть которых прошла через языковой сдвиг в сторону русского языка и завершила его, другая часть «удержалась от языковой ассимиляции».

Естественно, менее гомогенным будет цвет самого большого верхнего слоя. Он неоднороден по владению казахским и русским языками и занят казахами-монолингвами с казахским языком (в основном, это жители аулов, а также репатрианты-казахи из Китая, Монголии, Каракалпакстана, Афганистана и др.), не владеющими русским языком; казахами-билингвами с периферийным русским языком; казахами-билингвами с доминирующим русским языком, демонстрирующими в целом хорошее, часто полноценное знание русского языка; полностью русскоязычными казахами-монолингвами, подвергшимися языковому сдвигу и в настоящее время стремящимися восстановить знание казахского языка.

В целом полихромная пирамидальная иерархия языков Казахстана отчетливо продемонстрировала, что русский язык – достояние всех этносов, живущих в стране.

Языковая ситуация Казахстана складывалась годами, и русский язык активно участвовал в ее формировании. В изучение, обучение, распространение русского языка советская власть вкладывала громадные финансовые, материальные и человеческие ресурсы. Политика в области образования была направлена на повышение эффективности изучения русского языка в школах с нерусским языком обучения, действовала партийная установка на необходимость знания русского языка для повышения трудовой и общественно-политической активности советских людей. С русским языком напрямую были связаны соответствующие пропагандистские лозунги.

Для многих поколений русский язык был главным языком социализации, обеспечивающим успешную карьеру. Наконец, русский язык как наиболее коммуникативно престижный язык уверенно вошел в межэтническое и внутриэтническое общение как платформа для смены многих этнических языков.

8. Диверсификация русского языка в Казахстане или как оправдываются ожидания программы «Флагман» в Казахстане

В казахстанском (и не только) обществе часто спорят о том, что русский язык в Казахстане во многом теряет свои позиции. Вскоре после прошедшего в столице Казахстана XIV конгресса МАПРЯЛ журналист А. Загрибельный задал такой вопрос: *«Насколько заметна, по Вашим ощущениям, и отмечалась ли кем-то из участников конгресса, возникшая за последние 20-25 лет общая деформация (я бы сказал деградация) русскоязычной атмосферы в Казахстане?»*.

Интервью было опубликовано под заголовком «О судьбах великого и могучего. В Нур-Султане состоялся XIV Конгресс МАПРЯЛ» (Загрибельный 2019: 78-83; 69-73). Фокус интервью журналист обозначил в «формате» данного вопроса, показательного для определенной части «околоязыкового» дискурса, в который легко вовлечь любого.

Обобщу свои ответы и аргументы на столь острый вопрос в контексте настоящей статьи и тем самым постараюсь обосновать правомерность ожиданий «Флагмана» найти в Казахстане естественную русскоязычную среду.

К сожалению, в вопросе журналиста заметно распространенное смешение понятий и нечеткость формулировки. О чем же на самом деле вопрос журналиста?

О деформации (деградации) русского языка в Казахстане?

О деформации (деградации) владения населением страны русским языком?

О деформации (деградации) сфер его использования?

Один неточно сформулированный вопрос фактически оказался тремя скрытыми утверждениями.

Первое: О «деформации (деградации)» русского языка в Казахстане. Вспомнился старый анекдот про *Шынар Шынгызовну*

Шынтасову из Шымкента, пытавшуюся на высокогорном курорте Шымбулак примирить имена собственные с правилами русского языка...

Долго и с жаром обсуждалось «неудобство» русского написания *-шы – Шымкент*. Сегодня сайты используют *Чимкент* и *Шымкент* (5 840 000 против 30 000 000 результатов¹⁰). Слова, так смущавшие *Шынар*, как полноценные русские лексические единицы вошли в онимическое интернет-пространство со всеми «неудобно-произносимыми» и «неверными в написании» сочетаниями звуков и букв, со своеобразием словоизменения и словообразования.¹¹

Можно ли называть такие примеры «деформацией (деградацией)» русского языка? Лингвисты в подобных случаях говорят о заимствованиях, фактах диверсификации языка, или проявлении дивергенции, или, если подобные факты превращаются в отчетливую и доказательную тенденцию, об образовании контактных вариантов полинационального языка. Общеизвестно, что такие «большие» языки, как английский, испанский, немецкий, существуют в разных национальных вариантах.

Возможно, настало время говорить о многовариантности русского языка, а значит, о «казахском варианте русского языка»? Один из сборников *Slavica Helsingiensia «Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian»* как раз посвящен исследованиям «контактных русских языков» на территории разных стран. В статье с красноречивым названием «Русские языки» выделено несколько направлений диверсификации русского языка. «Казахский вариант» авторы отнесли ко второму вектору и назвали его «контактными явлениями первого рода», «языком так называемых

¹⁰ Тенденция, зафиксированная Google 20.04.2020, как говорится, не нуждается в комментариях.

¹¹ «Онимическое пространство Казахстана можно сравнить с футбольным полем для двух коммуникативных игроков – казахского и русского языков, настолько это пространство очевидно, реально и подвижно. Экстралингвистические факторы взаимодействия казахского и русского языков в таких условиях становятся более действенными, массовое двуязычие зачастую размывает границы между ними, а кодифицирующая способность обоих языков ослабевает – все вместе существенно сказывается на смещении и размытости ортологических норм» (Сулейменова 2011). Попыткой коллективного решения этой проблемы стало систематизированное описание частотных географических названий и отонимических производных на русском языке (более 3000 единиц), требующих регламентации их произношения и правописания (Сулейменова, Шаймерденова, Мусабекова 2019: 3).

‘других русских’ – то есть русскоязычного населения новых независимых государств (Казахстана, Таджикистана, Молдавии, Латвии, Эстонии и других), для которого характерно (и, видимо, неизбежно) значительное число заимствований из языков ‘титულიного’ населения» (Вахтин, Мустайоки, Протасова 2010: 5-16).

Признание существования территориальных вариантов русского языка, в свою очередь, рождает обилие сложнейших вопросов, на которые применительно к «казахскому варианту», научное сообщество пока не готово однозначно ответить: *Что такое вариант языка? Это отклонение от стандарта? Каково допустимое отклонение от стандарта, при котором фиксируется его вариант? Является ли вариант языка результатом дивергентного или конвергентного развития стандартного русского языка? Когда наступает необходимость кодификации варианта русского языка? Насколько обоснована оценка вариантов русского языка как «деформированных» или «деградировавших»?...*

Частично ответы на эти и другие вопросы можно найти в многочисленных работах, посвященных диверсификации русского языка в Казахстане, которая стала особенно чувствительной в последние годы (Шаймерденова, Бурибаева, Петрова 2007; Журавлева 2007; Бахтикиреева 2009; Сулейменова 2010а, Сулейменова 2010б, Сулейменова 2011; Бахтикиреева 2014; Протасова, Алишариева 2016; Алишариева, Ибраева, Протасова, 2017 и др.).

Как показано выше, в Казахстане носителями русского языка (помимо самих русских) являются самые разные этнические группы, и, казалось, все они могут оказывать то или иное влияние на состояние русского языка. Но регулярное и все усиливающееся влияние на русский язык фактически оказывает только казахский язык.¹² Сегодня не составляет особого труда видеть, что функциональное усиление и расширенное распространение казахского языка в стране незамедлительным образом сказалось на проницаемости русского языка, поскольку оба языка «работают» в одном коммуникативном пространстве.

Активное накопление фактов и их осмысление как последствий центрбежных тенденций развития русского языка

¹² Некоторое исключение составляют узбекский, уйгурский, таджикский, дунганский языки, однако их влияние на русский язык в виде «контактных явлений первого рода» имеет узколокальный характер в местах компактного расселения носителей этих языков в сельской местности (Сулейменова 2011: 87).

обнаруживает все новые и новые особенности этого феномена. Вот пример из официального (sic!) документа: «Основными мерами в данном направлении станут организация и проведение *айтысов, мушайра*, дебатных турниров и конкурсов *жырау* и *жыршы*» (Государственная 2010; Сулейменова 2011: 90). В любой казахстанской газете можно найти такие тексты: «...добавьте к этому дополнительные материалы – *арканы, кошмы, баскуры...* и еще *кииз, тускииз, текемет, сырмак, сандык, тосекагаш...*» («Взгляд» 29.09.2010: 4; Сулейменова 2010а: 258). Или встретить газетные заголовки: «*Ауыл – ел бесігі*» [«Аул – колыбель страны», непереведенное название проекта государственной программы развития регионов] («Деловой Казахстан» 31.10.2019: 1), «*Жастық! Жігер! Еңбек!*» [«Молодость! Воля! Труд!»], непереведенное название молодежного форума] («Деловой Казахстан» 10.03.2016: 1) и пр. Авторы «играют с казахскими словами», включая их в тексты, активизируя внимание к структурным элементам высказываний, нарушая стереотипы восприятия. Так в заголовках газет появляются «трансформированные фразеологизмы» (Аймагамбетова 2018), перифразы прецедентных текстов, пословиц и поговорок: «*Аким ты был, аким ты и остался*» [аким – глава администрации] («Экспресс К» 24.12.2015: 3), «*Акимов по осени сажают*» [перифраз поговорки «Цыплят по осени считают»] («Время» 25.09.2014: 2), «*Коня на соғым остановит, в горящую юрту войдет*» [непереведенное *соғым* – заготовка мяса на зиму] («Экспресс К» 17.02.2017: 4).

Авторы убеждены, что казахские слова не нуждаются в переводе или комментариях, что их межязыковая игра будет верно понята, поскольку читателям-билингвам знакомы казахские названия проектов, программ, праздников, этнокультурных артефактов, должностей, учреждений и многого другого, ведь они вошли в повседневную жизнь казахстанцев, а их названия – в лексический фонд русского языка, границы которого не успевают (и могут ли?) контролироваться кодификацией русского языка.

Подобные многочисленные факты или «контактные явления первого рода» (Вахтин, Мустайоки, Протасова 2010) свидетельствуют о расширении лексического состава русского языка в Казахстане как давнего ареала его функционирования. Еще в 2010 году я задавала вопрос: «Будут ли понятны насыщенные казахизмами

тексты россиянам так, как они понятны казахстанцам?» (Сулейменова 2010а: 258). Е. Протасова (Хельсинки) сделала вопрос «Будет ли понятной и доступной современная казахстанская русскоязычная пресса для неместного человека?» целью исследования. Проанализировав 40 казахстанских русскоязычных газет за 2014 год, возглавляемая Е. Протасовой группа ученых пришла к интересным выводам: а) национальная специфика текстов порой мешает пониманию неказахстанцами мысли автора и его позиции; б) происходит постепенное становление казахского варианта русского языка (Алишариева, Ибраева, Протасова 2017).

Но может быть, это не «особость» казахского менталитета и не «отдельность» казахского варианта русского языка, а просто отличное знание казахстанцами казахских названий реалий и артефактов, а также умение, манипулируя массовостью казахско-русского билингвизма, органично и адекватно апеллировать к концептам казахской культуры? Однако, какими бы многочисленными, разнообразными, показательными и интересными не были примеры «вторжения» казахского языка в русский (или «контактные явления первого рода», или примеры диверсификации русского языка), они носят до сих пор ненормированный и внешний по отношению к структуре русского языка характер.

Для того чтобы сформировался отдельный казахский вариант русского языка, нужны более сильные факторы, чем просто длительный, массовый и интенсивный языковой контакт, сопровождающийся интерференцией, заимствованиями, многочисленными «вкраплениями» и проч. Чтобы «образование территориального варианта языка свершилось, необходимо совокупное действие целого комплекса разнообразных факторов: особые социолингвистические характеристики его носителей, массовость и длительность взаимодействия с основным языком и культурой данного ареала, своеобразие коммуникативных условий, позволительность отклонений от стандарта и нормы, кодифицированность нового языкового образования и многое другое» (Сулейменова 2011: 102-103). Помимо этого, нужна долговременная изолированность (обособленность) казахстанского ареала от основной территории распространения русского языка. Тогда, согласно логике развития процессов в изолированной языковой и культурной среде, казахский вариант русского языка

должен будет демонстрировать значительные отклонения от русской литературной нормы, вызванные фронтальной интерференцией. Несмотря на ощутимые центробежные тенденции, период независимости не сделал Казахстан изолированным ареалом существования русского языка¹³ и оказался недостаточным для его кардинальной перестройки и образования «казахского варианта русского языка».

Сами центробежные тенденции проявляются главным образом лексически, а не грамматически или даже фонетически. Проникающие в русский язык лексические единицы – это, в основном, «безэквивалентная лексика, названия реалий современной казахстанской жизни, обеспечивающие коммуникативную адекватность русского языка как проявление его высокой адаптивной способности и пластичности. Наконец, главное – отличительные особенности русского языка в Казахстане могут считаться достаточными, чтобы объявить его национальным вариантом, только в случае нормализации (кодификации), то есть весьма и весьма далекого от реальности момента» (Сулейменова 2011: 103). Тем не менее Казахстан, вероятно, можно считать территорией, на которой вполне может сформироваться и функционировать «особый» русский язык, или в недалеком будущем – «казахский вариант русского языка».

Как видим, в любом случае изменения в русском языке в Казахстане (даже в случае признания его отдельным вариантом) не квалифицируются лингвистами как его «деформация (деградация)». Русский язык в нашей стране здоров и быстро адаптируется к меняющимся коммуникативным условиям и в соответствии с целесообразностью реализует новые выразительные возможности, привлекая для этого ресурсы ближайшего партнера – казахского языка.

Второе: О «деформации (деградации)» владения русским языком населением. Да, в стране есть казахстанцы,¹⁴ не владеющие

¹³ Достаточно вспомнить трансляцию российских телеканалов и радио, печатные и сетевые новостные издания, интернет на русском языке, «игнорирующие демаркацию границ» и покрывающие всю территорию Казахстана.

¹⁴ Выше в разных слоях пирамидальной иерархии языков можно найти ответы на вопрос, кто они. В случае с Казахстаном не стоит забывать, что русский язык – это не только родной язык этнических русских, но и один из языков билингвов (большой частью казахов, в также узбеков, кыргызов, татар, уйгур и др.), а также представителей многочисленных этносов, переживших языковой сдвиг в сторону русского языка.

или плохо владеющие русским языком. Как они избежали обязательного изучения русского языка в школе? Как им удалось «вернуться» от влияния почти повсеместно и широко распространенного русского языка? Наконец, можно ли увеличение среди казахстанцев удельного веса не владеющих или плохо владеющих русским языком,¹⁵ называть «деформацией (деградацией)» *самого* русского языка? Ведь и в самой России владение русским языком не лучше и не выше, чем в Казахстане. Точно так же, как в Великобритании или Соединенных Штатах Америки не все владеют английским языком в полном соответствии с литературной нормой или не все владеют разновидностями литературного английского языка.

Обратимся к мнению участников конгресса МАПРЯЛ из России и других стран о русском языке в Казахстане. Все они были единодушны: «Мы слышали прекрасную образцовую русскую речь не только в отелях, но и на улице, магазинах, музеях, транспорте». Возможно, это были комплиментарные высказывания гостей столицы? Вот профессиональное и авторитетное мнение русистов, неоднократно бывавших в Казахстане. Ю. Н. Карауловым, Д. Ю. Дэвидсоном, В. Г. Костомаровым, М. Л. Ремневой, Л. П. Крысиным, А. Мустайоки, Н. А. Уфимцевой, Р.Т. Гусманом, М. Д. Лекич и многими другими не раз отмечалось, что большей частью русский язык в Казахстане – это правильный, нормированный, образцовый язык, а русской устной речи казахстанцев свойственна особо четкая артикуляция без акцента, лишенная каких-бы то ни было диалектных маркеров¹⁶... Известный культуролог М. Казиник утверждает: «В Казахстане русский язык сохранился красивым и правильным, казахи владеют им на очень высоком уровне, наравне с государственным, что создает прекрасную языковую среду» (Казиник 2018).

В справедливости высокой оценки владения казахстанцами русским языком легко убедиться, если погрузиться в русскоязычное медиапространство страны. Более того, казахстанца, привычно

¹⁵ Не вдаваясь в различия между терминами *литературный язык*, *русский языковой стандарт*, *стандартный язык* и др., напомним, что речь идет о кодифицированном, стилистически дифференцированном, наддиалектном русском языке, с присущей ему полифункциональностью и высоким престижем.

¹⁶ Можно послушать мнение академика В. Г. Костомарова о владении казахстанцами русским языком, высказанное им в дни XIV конгресса МАПРЯЛ, проходившего в Казахстане (Костомаров 2019).

соблюдающего орфоэпические нормы русского языка, «слышно», например, в Москве или Санкт-Петербурге, не говоря уже о Вологде или Пскове.

Более ста лет литературный русский язык в Казахстане был и остается обязательным школьным предметом, который изучается со второго до выпускного класса школы, а также на первых двух курсах университетов.

В Казахстане, как и во всем Советском Союзе, целью языковой политики *русификации* было создание советского народа с единым языком, которым владели бы как «вторым родным» со всеми присущими ему функциями и во всех возможных сферах его функционирования. В конечном счете необходимо было создание однородного в языковом отношении общества. Языком гомогенизации советского Казахстана стал литературный русский язык, и стандартные формы русского языка были и сохраняются в стране.

Третье: О «деформации (деградации)» сфер использования русского языка. Хочу напомнить об эффективности мощной советской государственной машины с монополией языковой политики русификации, с единой строго централизованной административной системой, советской экономикой и армией, общим образовательным пространством, напомнить об обществе, в котором социальная мобильность и успешность человека достигалась только при владении русским языком (Сулейменова 2011: 104-108).

В независимом Казахстане русский язык, набравший тяжелый коммуникативный вес и инерцию функционирования в полном объеме своих форм существования (кодифицированный литературный язык, разговорный язык, просторечие, профессиональные и даже социальные диалекты), продолжает стратегически последовательно поддерживаться государственной языковой политикой и различными мероприятиями языкового планирования (Государственная 1998; 2000; 2010; 2019).

Русский язык сохраняет сегодня весь объем функций: «используется как средство кумуляции и приобретения разнообразной информации, идеологического воздействия, средства и объекта образования (русский язык – это язык детских образовательных учреждений, средних общеобразовательных и иных школ, вузовского и

послевузовского образования; обязательный учебный предмет, входящий в документ об образовании¹⁷), составная часть духовной культуры казахстанского общества и мощное коммуникативное средство в устном бытовом, а также письменном официальном/неофициальном общении, в науке, во всех видах средств массовой информации, интернете» (Сулейменова 2011: 85).

Русский язык остается высоко востребованным казахстанским обществом. Наравне с государственным он *официально* употребляется всеми группами казахстанцев во всех сферах общения – государственном управлении, административной деятельности и делопроизводстве, судопроизводстве, разнообразных сферах производства и торговли, всех видах промышленности, СМИ, культуре, литературе, образовании, науке, интернете, публичной политической речи, религии и др.

Такие сферы общения принято считать *регулируемыми* и *доминантными*, наиболее важными для функционального развития и состояния языка. В Казахстане именно доминантные казахские и русские сферы общения – это законодательно регулируемые сферы на государственном уровне.

В каких же сферах нет русского языка? На первый взгляд кажется, что во всех нерегулируемых государством сферах общения. Важнейшей из нерегулируемых сфер является личностное общение (внутриэтническое, бытовое, семейное, дружеское и т. п.). Однако здесь тоже не все так просто.

Напомню еще раз, что русский язык – это принадлежность всех этносов (в том числе казахов), и его присутствие в нерегулируемых личностных сферах общения касается всех, в том числе тех, кто пережил ситуацию языкового сдвига в сторону русского языка. Очевидно поэтому личностное общение друзей, коллег, просто знакомых происходит часто на русском языке. Здесь проявляется интересный (и, кажется, пока не описанный) феномен коммуникативного поведения и выбора языка общения казахстанцами. До сих пор переключение кодов рефлексивно происходит в пользу русского языка в случае, если привычная для казахстанского общества

¹⁷ Подробный анализ изменяющегося положения русского языка в казахстанском среднем и высшем образовании изложен в работах (Алтынбекова 2015; Сулейменова 2017).

«блиц-этническая идентификация» собеседников обнаруживает не-казаха в кругу общения.

Корреляционный анализ использования казахского и русского языков в семейном общении показал прямую зависимость между гражданской идентичностью и степенью межпоколенной и внутрипоколенной казахской языковой трансмиссии (Сулейменова, Акберди, Койшыбаева 2016: 23-65). Этот факт особенно интересен, поскольку казахстанцы переживают сегодня нелегкий период перестройки коммуникативной и культурной ценности казахского и русского языков в условиях обновляемой языковой конфигурации общества, в том числе сокращения в нем удельного веса русского языка.

Традиционно к нерегулируемым сферам общения относятся также художественная литература, поэзия, фольклор, эстрада, национальное искусство, традиционные промыслы, театр, кино, телевидение, религия, обряды, традиции и многое другое. Казахские нерегулируемые сферы оказались в какой-то степени «закрытыми» для других этносов. Доказательством может служить сохраняющаяся до сих пор несимметричность билингвизма в Казахстане: казахи были и остаются билингвами, русские (за редким исключением) не овладевали казахским языком, а значит, погружение в казахскую культуру и, соответственно, общение в этих средах, у них оставалось и остается низким.

Объективно о «деформации (деградации)» сфер использования русского языка в Казахстане говорить пока не стоит. Напротив, стоит думать о том, что на весах использования казахского и русского языков в различных сферах общения государственный казахский язык по-прежнему проигрывает.

Как видим, во-первых, государственный казахский и русский языки используются как в регулируемых официальных, так и в нерегулируемых неофициальных сферах коммуникативного пространства страны. Во-вторых, удельный вес использования русского языка в доминантных регулируемых сферах остается высоким, превышая долю казахского языка по мере усложнения официальных сфер: от общения в Центрах обслуживания населения до документов и научных проектов различных министерств, общения в правительстве и обеих палатах парламента, администрации и

канцелярии президента и т. д. Здесь срабатывает заметная зависимость: чем сложнее (профессиональнее) сфера функционирования языков, тем значительнее в ней присутствие русского языка. В-третьих, русский язык по-прежнему функционирует во всех нерегулируемых сферах общения как самих русских (может, даже не стоит об этом говорить в силу очевидности и преобладающего не-владения русскими казахским языком), так и тех, кто пережил языковой сдвиг в сторону русского языка и «не вернулся в этнический язык», в также русскоязычных казахов-монолингвов, большей части казахов-билингвов с доминирующим и даже периферийным русским языком. Некоторое отступление здесь составляют западный, юго-западный, южный регионы страны с преобладающим казахским населением.

При неизбежном и обязательном перераспределении долей казахского и русского языков в доминантных сферах общения выгодным и благоприятным для страны и всех казахстанцев было бы торжество разумного баланса, целесообразного функционального равновесия обоих языков, сохранение поразительного по качеству казахско-русского двуязычия, достижение паритетности казахско-русского и русско-казахского двуязычия... Именно это даст стране и самим казахстанцам многочисленные и разнообразные преимущества, как для модернизации корпуса казахского языка, наращивания им функций, свойственных государственному языку (в том числе функции языка межэтнического общения), так и для сохранения русского языка в полном объеме функций во всех регулируемых и нерегулируемых сферах общения.

7. Заключение

Акценты представленной панорамы языковой ситуации Казахстана прояснены в статье по-разному. Некоторые сформулированы отчетливо, другие только намечены в виде обозрения, но все они не претендуют на окончательное исследование, напротив, их следует интерпретировать с осторожностью. Вне всякого сомнения, такое исследование должно быть построено на длительном мониторинге и фронтальном документировании языковых практик, например, утраты первоначального этнического языка или фактов диверсификации русского языка.

В любом случае предложенный ландшафт языковой ситуации подтверждает распространенное мнение о том, что интенсивные и экстенсивные контакты функционально равновесных языков активизируют различные факторы, приводящие к языковому сдвигу. Условия и темпы языкового сдвига, которые описываются в литературе применительно к автохтонным (коренным, «аборигенным») языкам, со значительными оговорками приложимы к языкам переселенных в Казахстан этносов, оторванных от «материнской территории». Процессы советской политики русификации привели к тому, что языковой сдвиг у них осуществлялся быстрыми темпами за одно-два поколения. Действенность такой модели языкового сдвига была, к сожалению, «проверена» в условиях Казахстана на многочисленных примерах.

Особенности языковой ситуации убеждают, что русский язык остается ее важнейшей составной частью, определяющей основные направления изменений языкового состояния в современном и будущем Казахстане. Вместе с тем своеобразное распределение владения русским языком, отмеченное во всех слоях пирамидальной иерархии, требует необходимых комментариев.

Действительно ли многоязычность языковой ситуации в Казахстане создается коммуникативной полифонией 117 языков? Во-первых, оценка Казахстана как многоязычной страны связана с метонимическим отождествлением этноса и этнического языка (такая же методика была использована в настоящей статье); во-вторых, динамика численности этносов (рисунок «Динамика соотношения этносов Республики Казахстан: 1970-2019») наглядно показывает явную тенденцию к этнической однородности населения Казахстана; в-третьих, подавляющее большинство этнических языков (два нижних слоя пирамиды, находящиеся в опасной демографической зоне) погружены в сложные и тотальные процессы языкового сдвига в сторону русского языка; в-четвертых, небольшая часть этнических языков третьего слоя с высокой витальностью не имеет высокого статуса и используется локально на территории проживания; в-пятых, официальный статус казахского и русского языков и распространенность владения ими (см. все слои пирамидальной иерархии и присутствие в них русского языка) выдвигает их вперед как коммуникативных партнеров-тяжеловесов.

Русский язык в Казахстане – принадлежность не только этнических русских, но и всех казахстанцев. Поэтому распространяемое в Wikipedia утверждение, что «русский язык в Казахстане – второй по числу носителей и первый по владению и уровню распространения», безусловно, требует детализации. К числу носителей русского языка следует отнести не только этнических русских, но и немалую часть казахов-монолингвов, переживших языковой сдвиг в сторону русского языка, казахов-билингвов с доминирующим русским языком и даже казахов-билингвов с периферийным русским языком. Кроме того, русский язык в Казахстане – это язык осуществившегося еще в советский период языкового сдвига многочисленных этносов (два нижних слоя пирамиды).

Пирамида и ее полихромный вариант, естественно, весьма схематично и идеализированно обозначили реальную и сложную языковую ситуацию Казахстана. Однако своей цели они достигли – осязаемо переданы обстоятельства овладения и владения русским языком всеми этносами, проживающими в стране. Знание русского языка казахстанцами является культурной собственностью и действенным ресурсом, умножение которого с советских времен гарантировало им конкретные экономические, образовательные, политические, культурные и иные выгоды.

Обоснованно и привычно Казахстан продолжает восприниматься как страна, в которой хорошо знают русский язык. Подтверждением служат три важных момента. Первый связан с принципиальным признанием vs отрицанием существования «казахского варианта русского языка». Констатируя наличие многочисленных фактов диверсификации русского языка как проявления центробежной тенденции его развития, а также принимая во внимание серьезность аргументов исследователей, поддерживающих эту точку зрения, все же считаю, что еще не сформировались достаточные диагностические характеристики «казахского варианта русского языка». Для признания факта его существования необходимо совокупное и решающее действие многочисленных условий, главным из которых является настоятельная необходимость комплексной кодификации «казахского варианта русского языка». Второе – это, собственно, свидетельство-мнение авторитетных лингвистов о высоком качестве русского языка, которое демонстрируют казахстанцы в

медиа-, научном, политическом, культурном, образовательном пространстве. Наконец, третье – это высокая востребованность русского языка казахстанским обществом в доминантных регулируемых, а также в нерегулируемых сферах общения. Удельный вес использования русского языка в регулируемых сферах общения превышает долю казахского языка по мере усложнения официальных сфер общения.

Настоящими и сильными игроками на коммуникативном поле Казахстана являются казахский и русский языки. Специфику контакта обоих языков составляет непростой характер и масштабы языковой «разделенности» казахов. В прямой зависимости от скорости и способов ее преодоления непосредственно зависит будущее использование русского языка в доминантных сферах общения.

Регулирование языковыми процессами в стране должно быть деликатным и безболезненным, поэтому государством избрана стратегия максимального учета разнонаправленных (иногда трудно совместимых) языковых потребностей и интересов казахстанцев. Особенно заметно это проявилось в только что принятой «Государственной программе по реализации языковой политики на 2020-2025 годы» (Государственная 2019). Удовлетворение языковых прав, потребностей и требований всех казахстанцев – это эффективная политическая мера предотвращения языковых и этнических конфликтов и условие успешной интеграции и консолидации казахстанского общества.

Литература

- Аймагамбетова, М.М. (2018) Функционирование трансформированных фразеологизмов в заголовках казахстанских газет и новостных сайтов: дисс. PhD. – Алматы. – 214 с.
- Алексеев, А., Аубакирова, Ж., Сарсембаева, Г. (2011) Демографические успехи Казахстана // Демоскоп. Weekly. Население и общество. <https://m.polit.ru/article/2011/02/04/demoscope451/>
- Алишариева, А., Протасова, Е., Ибраева, Ж. (2017) Казахстанский русский: взгляд со стороны // Ab Imperio. – №4 – С. 231-263
- Алпатов, В. М. (2013) Языковая политика в современном мире: «одноязычные» и «двуязычные» практики и проблема языковой ассимиляции // Журнал «Сравнительная политика». – Москва. – №2(12). – С. 11-22

- Алтынбекова, О. (2015) Языковые сдвиги в сфере образования Республики Казахстан // Russian Language Journal. – Washington. – Vol. 65. – 55-74
- Бахтикиреева У. М. (2009) Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения): монография. – Астана. – 259 с.
- Бахтикиреева У. М. Русский – полинациональный язык? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. – №2. – С. 16-30
- Беликов, В., Крысин Л. (2001) Социолингвистика. – Москва. – 407 с.
- О'Бикен Д. (2005) «Казахизация» и языковая политика в постсоветском Казахстане // <http://www.espi.ru/Content/Conferences/Papers2004/donaka>
- Вахтин, Н., Мустайоки, А., Протасова, Е. (2010) Русские языки // Slavica Helsingiensia. – 40. Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. – Helsinki. – С. 5-16
- Государственная (1998) Государственная программа функционирования и развития языков в Республике Казахстан http://primeminister.kz/page/article_item-86
- Государственная (2000) Государственная программа функционирования и развития языков в Республике Казахстан на 2001-2010 гг. http://primeminister.kz/page/article_item-86
- Государственная (2010) Государственная программа функционирования и развития языков на 2011-2020 годы. – Астана // <http://pravo.zakon.kz/223537-utverzhdena-gosudarstvennaja-programma.html>
- Государственная (2019) Государственная программа по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020-2025 годы. – Нур-Султан // <https://www.zakon.kz/5002495-utverzhdena-gosudarstvennaya-programma.html>
- Дориан, Н. (2012) Утрата и сохранение языка в ситуациях языкового контакта // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия. – Санкт-Петербург. – С. 382-401
- Дэвидсон, Д. Ю. (2019) Трансформативное обучение иностранным языкам. Теория и практика (на примере программы «Флагман») // Пленарные доклады XIV конгресса МАПРЯЛ «Русское слово в многоязычном мире». – Нур-Султан, 29 апреля – 3 мая 2019

// https://ru.mapryal.org/filecache/upload/files/Д.Дэвидсон_Трансформативное%20обучение%20иностранным%20языкам_Текст.pdf

- Единый (2010) Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. – Москва // <http://www.minnac.ru/minnac/info/13884.html>
- Журавлева, Е.А. (2007) Вариантность лексической системы: русский язык как полинациональный: диссерт. ...доктора филолог. наук. – Алматы
- Загрибельный, А. (2019) О судьбах великого и могучего. В Нур-Султане состоялся XIV Конгресс МАПРЯЛ // Интервью с Э. Сулейменовой // Журнал «Современное образование». – Нур-Султан. – №3-4 – С. – 78-83; 69-73
- Итоги (1973) Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. – Т. 4. – Москва, 1973
- Итоги (1992) Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. – Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр. 1992. – Т. 2
- Итоги (2000) Итоги национальной переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. – Астана
- Итоги (2010) Итоги национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. – Астана
- Итоги (2011) Итоги национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Аналитический отчет. – Астана
- Казиник, М. (2018) Мир частично мыслит Казахстаном, не понимая даже, в чем дело // <https://ru.sputniknews.kz/radio/20181102/7888817/kazinik-kazakhstan-kultura-mir.html>
- Келльнер-Хейнке, Б., Ландау, Я. М. (2015) Языковая политика в современной Центральной Азии: национальная и этническая идентичность и советское наследие. – Москва. – 320 с.
- Конституция (1995) Конституция Республики Казахстан // <http://>

www.parlam.kz/ru/constitution

- Костомаров, В.Г. (2019) Интервью в дни XIV конгресса МАПРЯЛ // <https://www.youtube.com/watch?v=bhB4f0x9nRE>
- Население (2019) Население Казахстана. https://countrymeters.info/ru/Kazakhstan#population_2019
- Национальный (2000) Национальный состав населения Республики Казахстан. Население Республики Казахстан по национальностям и владению языками / Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник. Под ред. А. Смаилова – Т. 1-2. – Алматы, 2000
- Национальный (2010) Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги Национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. Статистический сборник. Под ред. А. Смаилова – Астана, 2010
- Протасова, Е.Ю., Алишариева А.А. (2016) Особенности выбора языка в многоязычном обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Вопросы образования: языки и специальность. – №1. – С. 28-37
- Сулейменова, Э., Шаймерденова, Н., Аканова, Д. (2008) Языки народов Казахстана. – Алматы. – 304 с.
- Сулейменова, Э. (2009) Языковая политика и динамика языковой ситуации в Казахстане // Russian Language Journal. – Vol. 59. – Washington – С. 21-36
- Сулейменова, Э. (2010а) К осмыслению вероятности варианта русского языка в Казахстане // Slavica Helsingiensia. – 40. Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to non-standard Russian. – Ed: A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. – Helsinki. – С. 268-282
- Сулейменова, Э. (2010б) Русификация и казахизация как языковая гомогенизация многоязычного Казахстана // Russian Language Journal. – Vol. 65 – Washington. – С. 229-252
- Сулейменова, Э. (2011) Языковые процессы и политика. Алматы. – 117 с.
- Сулейменова, Э., Акберди, М., Койшыбаева, Г. (2016) Выбор языка и корреляции языковой трансмиссии. – Алматы. – 184 с.
- Сулейменова, Э. (2017) Русский язык в Казахстане: правовое регулирование, этноязыковой портрет, образование // Журнал «Русский язык за рубежом» – Спецвыпуск. – Алматы - С. 17-24.

- Сулейменова, Э., Мусабекова, У., Шаймерденова, Н. (2019) Ономастика Казахстана: географические названия и отонимические производные. – Алматы. – 262 с.
- Турлыбекова, А.М. (2016) Национальная политика в области образования в Казахстане в послевоенные годы // <https://articlekz.com/article/18175>
- Фиерман, У. (2005) Поворот языкового сдвига в Казахстане // Этнографическое обозрение. – Москва. – №6. – С. 52-53
- Фишман, Дж. (2005) Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизнью // Философско-литературный журнал «Логос». – №4 (49). Москва. – С. 116-124
- Численность (2015) Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2015 года. Комитет по статистике. – Астана // <http://stat.gov.kz>
- Численность (2018) Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2018 года. Комитет по статистике. – Астана // <http://stat.gov.kz>
- Шаймерденова, Н., Бурибаева, М., Петрова, С. (2007) Русский язык в Казахстане. – Астана. – 212 с.
- Ahn, E., and J. Smagulova. 2016. *Language change in Central Asia*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Davidson, Dan E., Maria D. Lekic, and Nadra Garas. 2020. "Transformative Language Learning in the Overseas Immersion Environment: Exploring Affordances of Intercultural Development," In *Transformative Language Learning and Teaching*, edited by Betty Lou Leaver, Dan E. Davidson, and Christine Campbell, 107-119. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lewis, M. Paul, Gary F. Simons, and Charles D. Fennig . (2014). *Ethnologue: Languages of the World*, edited by David M. Eberhard, Gary F. Simons, and Charles D. Fennig. 17th edition. Dallas, Texas: SIL International. <http://www.ethnologue.com/>
- Malinowski, B. 1972. "Phatic Communion." In *Communication in Face-to-Face Interaction: Selected Readings*, edited by J. Laver and S. Hutcheson, 146. Harmondsworth, UK: Penguin Books.

- Moseley, Christopher (ed.) 2010. Atlas of the World's Languages in Danger, 3rd edn. Paris, UNESCO Publishing. Online version: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas>
- Smagulova, J. 2008. "Language Politics of Kazakhization and Their Influence on Language Attitudes and Use." *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism* 11(3/4): 440-475.
- Suleimenova, E. 2015. "The Vitality of the Kazakh Language and Language Planning." *Turcologica* 102: 13-25